

ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

LANGUAGE CONTACTS: THEORY AND PRACTICE

DOI: 10.22363/2618-897X-2024-21-1-15-27

EDN: ZJGYSI

Научная статья / Research article

Экспликация угрозы в билингвальной картине мира белорусов: экспериментальное исследование

А.А. Лавицкий ¹ Белорусский государственный педагогический университет имени М. Танка,
*Республика Беларусь, 220030, Минск, ул. Советская, 18*² Витебский филиал Международного университета «МИТСО»,
Республика Беларусь, 210010, Витебск, ул. М. Шагала, 8А✉ anton_lavitski@mail.ru

Аннотация. Представлены результаты сравнительного изучения особенностей восприятия вербальных проявлений угрозы как противоправного деяния в аспектах ее экспликации в билингвальной картине мира белорусов. Дополнительно компаративному анализу подвергнуты особенности обыденного и научного (лингвоправового) понимания речевых высказываний, содержащих признаки угрозы. В проведенном исследовании отражены вопросы, касающиеся понимания категории «картина мира» с позиции теории билингвизма и современной юрислингвистики, феномена угрозы как уголовно наказуемого преступления, совершаемого вербальным способом. Практическая часть работы реализована в форме экспериментального анкетирования, в котором приняли участие две группы по 70 человек естественных билингвов, выполнявших задание на белорусском или русском языке: выбрать из предлагаемого перечня высказываний одно или несколько, которые, по их мнению, юридически можно интерпретировать как угрозу. Результаты экспериментального исследования показали наличие расхождений в вербализации угрозы в зависимости от используемого языкового кода: в группе, работавшей с белорусскоязычным материалом, абсолютное число опрошенных, выбравших в той или иной комбинации ответов высказывание *Я адсяджу і выканаю свой прысуд — расстрэл!*, составило 41 человек (58,6 %). Среди респондентов, выполнявших задание на русском языке, этот показатель равен 31,7 % (26 человек), что ниже, даже с учетом вероятной погрешности. Анализ всех ответов респондентов позволил сделать вывод о том, что в обыденной картине мира белорусов экспликация угрозы зачастую не требует указания на адресанта, а также на идентифицируемый вид потенциального вреда.

Ключевые слова: угроза, картина мира, теория билингвизма, юрислингвистика**История статьи:** поступила в редакцию 04.12.2023; принята к печати 03.01.2024.

© Лавицкий А.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Работа подготовлена в рамках гранта Министерства образования Республики Беларусь Г24-001 «Современный деструктивный дискурс Беларуси: юрислингвистический аспект».

Для цитирования: *Лавицкий А.А.* Экспликация угрозы в билингвальной картине мира белорусов: экспериментальное исследование // Полилингвальность и транскультурные практики. 2024. Т. 21. № 1. С. 15–27. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-1-15-27>

Explication of Threat in the Bilingual Worldview of Belarusians: An Experimental Study

Anton A. Lavitski

¹ Belarusian State Pedagogical M. Tank University,
18 Sovetskaya St, Minsk, 220030, Republic of Belarus

² Vitebsk Branch of the International University “MITSO”,
8A M. Shagala St, Vitebsk, 210010, Republic of Belarus

✉ anton_lavitski@mail.ru

Abstract. The study presents the results of a comparative study of the characteristics of the perception of verbal manifestations of a threat as an unlawful act in the aspects of its explication in the bilingual worldview of Belarusians. Additionally, the features of everyday and scientific (linguo-legal) understanding of speech statements containing signs of threat were subjected to comparative analysis. The study reflects issues related to the understanding of the category “picture of the world” from the perspective of the theory of bilingualism and modern legal linguistics, the phenomenon of threat as a criminal offense committed verbally. The practical part of the work was implemented in the form of an experimental survey, in which two groups of 70 people of natural bilinguals took part, who completed a task in Belarusian or Russian: select one or more statements from the proposed list, which, in their opinion, can be legally interpreted as a threat. The results of the experimental study showed the presence of discrepancies in the verbalization of the threat depending on the language code used: in the group that worked with Belarusian-language material, the absolute number of respondents who chose the statement “I will adjudicate and exterminate my justice — execution!” in one or another combination of answers was 41 people (58.6 %). Among respondents who completed the task in Russian, this figure is 31.7 % (26 people), which is lower, even taking into account the possible error. An analysis of all the respondents’ answers allowed us to conclude that in the everyday picture of the world of Belarusians, the explication of a threat often does not require an indication of the addresser, as well as an identifiable type of potential harm.

Key words: threat, picture of the world, theory of bilingualism, legal linguistics

Article history: received 04.12.2023; accepted 03.01.2024.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interest.

Funding. The article was carried out within the framework of the grant from the Ministry of Education of the Republic of Belarus G24-001 “Modern destructive discourse of Belarus: legal linguistic aspect.”

For citation: Lavitski, A.A. 2024. “Explication of threat in the bilingual worldview of Belarusians: An experimental study.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 21 (1), 15–27. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2024-21-1-15-27>

Введение и постановка цели

Еще в середине прошлого века Э. Сепир пророчески писал о том, что «чрезвычайно важно, чтобы лингвисты, которых часто обвиняют — и обвиняют справедливо — в отказе выйти за пределы предмета своего исследования, наконец, поняли, что может означать их наука для интерпретации человеческого поведения вообще» [1. С. 237–238]. Очевидно, что для этого лингвистическая наука должна была выйти за Соссюровские границы «в самом себе и для себя», что она и сделала, решая сегодня исследовательские вопросы интегративного характера, находящиеся на стыке диалектических интересов нескольких научных направлений или парадигм (например, лингвокультурология, психо- и социолингвистика и др.). Одним из самых молодых таких направлений в языкознании является правовая (юридическая) лингвистика, занимающаяся вопросами взаимодействия сферы языка и права.

Современная юрислингвистика не только обогатила теорию языка и права (последнее, по замечанию А.С. Александрова, также уже не может оставаться «только на собственно юридической почве» [2. С. 4]), но и позволила решить комплекс прикладных задач. В то же время сегодня складывается впечатление, что основные научные силы правовой лингвистики переместились на ниву практической работы — в область судебной лингвистической экспертологии. Вследствие этого мы наблюдаем замедление ее развития в сфере фундаментальной исследовательской активности. С одной стороны, это объективное положение дел, связанное с постоянно растущей востребованностью экспертной работы для органов следствия и дознания, судов. С другой стороны, очевидно, что юрислингвистика уже накопила достаточно серьезный теоретический потенциал для расширения своего исследовательского участия в изучении ряда иных проблем междисциплинарного характера.

Последнее десятилетие стало во многом знаковым для юрислингвистического направления. В его исследовательское поле был экстраполирован опыт (подходы к пониманию объектов изучения, методология, категориальный аппарат и др.), накопленный коммуникативной, аксиологической лингвистикой, психолингвистикой, теорией речевых актов и т.д. В этом ряду нельзя не отметить достижения теории били- и полилингвизма, которые также нашли отражение в научных разработках юрислингвистики. В первую очередь, это касается проблем языковой политики и идеологии. В свою очередь, и юридическая лингвистика, а точнее ее подотрасль — лингвоюрисдика, внесла свой (пока еще откровенно скромный) вклад в изучение указанной проблематики, хотя очевидно, что этот аспект самым явным образом проявляется в области пересечения интересов языка и права.

Со времени оглашения в 1996 году так называемой «Барселонской декларации», получившей более широкую известность как Всеобщая декларация языковых прав, самые большие достижения лингвоюристики были связаны с предпринятыми попытками анализа и оценки законодательства, обеспечивающего функционирование языков в различных сферах социальной жизнедеятельности и реализацию языковой политики в разрезе государственных и некоторых надгосударственных образований. В то же время иные внутриисследовательские направления правовой лингвистики не проявили должного интереса к проблемам, разрабатываемым в том числе в теории многоязычия. Так, например, сегодня невозможно найти объективные данные об особенностях создания, понимания и ретрансляции юридических текстов в системе би-, полилингвальной коммуникации. Не получили широкого распространения исследования о когнитивных и психолингвистических аспектах языковой экспликации преступной деятельности в немоноязычном дискурсивном пространстве. Именно последней проблеме посвящена настоящая работа, цель которой — экспериментально изучить особенности восприятия вербальных проявлений угрозы как противоправного деяния в научной и наивной билингвальной картине мира белорусов.

Гипотеза эксперимента

Сложно не согласиться с тем, что в Беларуси языковое право как «право на свободный выбор языка или языков коммуникации в частной и публичной сферах» [3. С. 80] представляется абсолютным в части реализации конституционных норм государственного двуязычия. Более того, и по другим формальным критериям страна относится к билингвальным: несмотря на очевидное доминирование русского языка практически во всех сферах социального взаимодействия, последняя перепись населения (2019 г.) декларирует, что 60,3 % жителей страны считают своим родным язык титульной нации. Можно ли, исходя из этого, сделать вывод о том, что особенности концептуального наполнения картины мира белорусов идентично вербализуются в обеих языковых системах (белорусско- и русскоязычной)? Полагаем, что нет. Даже несмотря на то, что оба языка и обе культуры являются близкородственными, между ними невозможно поставить знак равенства. Кроме того, выстраивая заключения исходя из явной неравномерности коммуникативной активности в использовании государственных языков, следует предположить, что понимание содержания речевого материала будет находиться в прямой зависимости от используемого языкового кода. Иными словами, мы предполагаем, что тексты с одинаковым содержанием на белорусском и русском языках не идентично концептуализируются билингвальными носителями указанных языковых кодов. С нашей точки зрения, это не является экстраординарным проявлением специфики языкового сознания

белорусов. Наличие отличий в картине мира обнаруживается и у носителей одного языка и культуры, но представляющих разные корпоративные культуры (см. например, исследования Е.В. Вагановой [4]). Кроме того, «в речи (понимается широко, включая восприятие текстовой информации — *Прим. А.Л.*) билингва неизбежны отклонения на целевом языке под влиянием родного (интерференция) и в речи на родном языке под влиянием иностранного (интеркаляция) [5. С. 8–9]. У.М. Бахтикиреева замечает, что у билингов, как правило, «один из языков является доминирующим (часто его называют родным), а другой находится в субдоминирующей позиции. Доминирующим является тот язык, который является средством коммуникации билингва в различных формах существования и сферах применения этого языка (устная и письменная формы; литературный язык; <...> различные социальные диалекты <...>, включая язык нормативно-законодательных актов <...>» [6. С. 68].

Проверить сформулированное нами утверждение представляется возможным экспериментальным способом. Такого рода исследование можно совместить с решением еще одной значимой для современной юрислингвистики задачи — установлением соотношения представлений наивной и научной картины мира об экспликации в речевой деятельности лингвистических признаков совершения противоправного проступка. Дело в том, что современные исследователи отмечают «низкий уровень культуры самих законодателей, непонимание ими ценности юридического языка, неумение использовать все его „регистры“» [7. С. 21]. Речь в данном случае идет в том числе и о том, что законодательная база, являясь «социальным заказом» установления правил и норм поведения в различных сферах жизнедеятельности, не отвечает запросам общества, его представлениям, основа которых отражена в наивной (обыденной) картине мира. В аспекте заявленной в заглавии темы работы уточнение данного положения будет построено на анализе концептуального понимания категории угрозы в наивной и научной картине мира.

Таким образом, конечная гипотеза нашего исследования декларирует наличие расхождений в восприятии лингвистических признаков противоправной деятельности, совершаемой вербальным способом, на уровне их концептуализации в наивной и научной картине мира белорусов, что обусловлено языковым кодом.

Теоретические замечания к экспериментальной части исследования

Прежде чем приступить к детальному описанию экспериментальной работы, следует кратко охарактеризовать понятие картины мира (КМ), а также оппозицию таких ее видов, как наивная и научная.

Для современной лингвистики сама категория картины мира — это «большая метафора» в том смысле, что, как единица научного описания, она совершенна чужда познанию как рациональное явление. Во-первых, в само словосочетание «картина мира» (КМ), введенное в понятийный аппарат языкознания с легкой руки М. Хайдеггера, вложено метафорическое использование лексемы «картина», более удачное с авторской и стилистической точки зрения для термина, нежели слова «изображение», «образ», «модель», хотя в работах по психолингвистике, лингвокультурологии повсеместно встречаются и даже дифференцируются друг от друга понятия «образа мира», «модели мира». Однако сам М. Хайдеггер замечал, что КМ «сущностно являет собой не картину, изображающую мир, а мир, представленный в виде такой картины» [8. С. 89].

Второе замечание, касающееся метафоричности КМ, обнаруживается в попытках представить ее как «упорядоченную картину знаний о действительности...» [9. С. 4] или «объективной действительности» [10. С. 11]. Однако очевидно, что КМ не только включает рациональный компонент (знания), но и имеет иррациональную составляющую (чувства, переживания). А.Н. Леонтьев вообще предполагал, что КМ — это «наполненные значениями абстракции, возникающие на основе созданного чувствами опыта» [11. С. 9].

Спорным является и вопрос о действительности (объективной действительности) в концептуальных представлениях КМ, так как они субъективны по своей природе. КМ всегда маркирована личностным опытом, национально-культурным контекстом, компонентами институциональной принадлежности человека и т.д. Ей присуще понятие мистификации, позволяющее заполнить пробелы в недостающих знаниях, — представить наличие некой третьей силы (например, Бога, дьявола), обладающей всей полнотой знаний. Неслучайно еще И. Кант указывал на то, что «рассудок не черпает свои законы (a priori) из природы, а предписывает их ей» [12. С. 80].

Неоспоримым является и факт динамичности КМ. Она, как и средство ее вербализации — язык, находится в постоянном движении. Следовательно, метафорично и утверждение об упорядоченности системы представлений, формирующих саму КМ. Скорее речь идет о стремлении к системности и последовательности в описании окружающего мира.

Метафорично и противопоставление наивной и научной КМ. По сути, это нерелевантные для сравнения категории: они разнятся по своему объему и качественному наполнению. В наивной КМ, очевидно, доминирует иррациональность, то есть чувственное восприятие. Научная КМ декларирует стремление к отказу от эмоциональной составляющей. Кроме того, научные знания являются неотъемлемым компонентом обыденной КМ. Следовательно, и сама научная КМ фактически включена в содержание наивной КМ.

Однако то, что, несмотря на указанные проблемные вопросы, КМ, оппозиция наивной и научной КМ до сих пор являются объектами исследовательского внимания, также нельзя назвать парадоксальным. В.А. Маслова замечает, что лингвистика принципиально неточная наука [13. С 827]. И это же замечание, по нашему мнению, следует отнести как минимум к сфере всего гуманитарного знания, ибо оно антропоцентрично по своей сущности. Человек, его личность иррациональны априори, а их изучение отличается значительной долей субъективности. Однако отказ от таких исследований невозможен в силу все той же антропоцентричности всего бытия.

Очевидно, что концептуализация КМ разнится в зависимости от языкового кода ее вербализации. Это касается и били- или полилингвальной личности. Отдельные ученые (А.А. Залевская, У.М. Бахтикиреева) полагают, что так проявляются ее особенности – наличие двух или нескольких КМ [14. С. 45; 15. С. 79–80]. Дополняя это мнение, другие исследователи утверждают, что, например, в сознании билингва обе КМ, соединяясь, видоизменяются и в итоге формируют еще одну, со своими специфическими особенностями [16. С. 590]. С одной стороны, такое мнение является логичным и вполне обоснованным. Но с другой — подобные заключения не должны переходить в уравнение «две КМ = две языковые личности», ибо раздвоение личности, даже языковой, — это уже объект внимания другой науки. Иными словами, мы считаем, что человек обладает единой и неделимой КМ, в которой при помощи различных языковых кодов могут концептуализироваться представления различных лингвокультур.

Описание экспериментальной работы и ее результаты

Экспериментальная часть исследования включала в себя проведение анкетирования, в котором приняли участие 140 человек, которые самостоятельно указали, что они являются естественными (белорусско-, русскоязычными) билингвами. Повторимся, что в данном исследовании мы не углублялись в теоретические вопросы, касающиеся взаимодействия языковых кодов в аспекте понимания сущностного функционирования естественного билингвизма, амбилингвизма, так как респондентам не требовалось осуществлять перевод.

Подробный половозрастной портрет опрошенных выглядит следующим образом: 79 женщин (18–29 лет — 13 человек, 30–39 лет — 19 человек, 40–49 лет — 18 человек, 50–59 лет — 15 человек, старше 60 лет — 14 человек), 61 — мужчина (18–29 лет — 11, 30–39 лет — 14, 40–49 лет — 14, 50–59 лет — 13, старше 60 лет — 9). Погрешность результатов исследования составила 8,28 %.

Сама процедура анкетирования включала необходимость выполнения следующего задания: отметить одно или несколько высказываний, которые,

по их мнению, юридически являются угрозой нанесения вреда жизни и/или здоровью. Для одной половины участников (40 женщин, 30 мужчин) задания были сформулированы на русском языке, для другой (39 женщин, 31 — мужчина) — на белорусском:

В суде после объявления приговора осужденный громко выкрикнул:

1. Я тебе обещаю, прокурор, что скоро ты ножичек под сердце получишь!
2. Я отсижу и исполню свой приговор – расстрел!
3. Ты, прокурор, от меня свое еще получишь!
4. За такие дела, прокурор, проломит тебе кто-нибудь голову!
5. Я тебя, прокурор, еще до суда придушить должен был!
6. Не зря, видно, прокурор, прибьют тебя скоро!

У судзе пасля абвяшчэння прысуду асуджаны гучна крыкнуў:

1. Я табе абяцаю, пракурор, што хутка ты сцізорык над сэрца атрымаеш!
2. Я адсяджу і выканаю свой прысуд – расстрэл!
3. Ты, пракурор, ад мяне сваё яшчэ атрымаеш!
4. За такія справы, пракурор, праломіць табе хто-небудзь галаву!
5. Я цябе, пракурор, яшчэ да суда прыдушыць павінен быў!
6. Нездарма, відаць, пракурор, прыб'юць цябе хутка!

Само решение указанного задания очевидно не зависит от языка, на котором оно сформулировано: текст — это только формальный объект правового контроля, фактически оценке подвергается содержание конфликтогенного речевого материала. И хотя в соответствующей статье (186) Уголовного кодекса Беларуси не обнаруживается формулировки понятия угрозы, разъяснения Верховного Суда страны, а также юридические комментарии позволяют заключить, что угроза — это «словесно, письменно или другим способом выраженное намерение нанести физический, материальный или иной вред какому-либо лицу или общественным интересам; один из видов психического насилия над человеком» [17. С. 731]. Представленная трактовка схожа с общелингвистическим определением, зафиксированным в толковых лексикографических источниках (см., например, словарь Д.Н. Ушакова:

«**Угроза** — 1. Обещание причинить кому-чему-нибудь какую-нибудь неприятность, зло; 2. Опасность, возможность возникновения чего-нибудь неприятного, тяжкого» [18. С. 1060]).

Таким образом, концептуальное значение для категории угрозы в ее правовом статусе является наличие указаний:

1) на тип вредоносного действия (указание на потенциальный вред жизни, здоровью или имуществу объекта речевой агрессии, который планирует нанести автор);

2) субъектность намерений (наличие в тексте маркеров, позволяющих идентифицировать автора как субъекта реализации или организации реализации потенциальной угрозы);

3) адресованность (данные об объекте (личности) в отношении которого высказывается намерение реализовать угрозу);

4) темпоральная маркированность текста (указание на то, что деятельностный компонент угрозы будет совершен в будущем времени).

В сформулированной нами анкете юридически квалифицировать как угрозу можно только высказывание:

Я тебе обещаю, прокурор, что скоро ты ножичек под сердце получишь! / Я тебе абяцаю, пракурор, што хутка ты сцязорык пад сэрца атрымаеш!

В речевом акте содержатся указания на то, что автор (2) в будущем (4) нанесет вред жизни (1) прокурору (3).

Другие предложенные варианты ответов соответствуют не всем параметрам идентификации вербального проявления угрозы:

– речевой акт *Я отсижу и исполню свой приговор — расстрел! / Я адсяджу і выканаю свой прысуд — расстрэл!* не соответствует параметру адресованности (отсутствуют данные о потенциальном объекте вредоносного воздействия);

– во фразе *Ты, прокурор, от меня свое еще получишь! / Ты, пракурор, ад мяне сваё яшчэ атрымаеш!* автор не реализует параметр типа вредоносного действия (нет указаний на вред или ущерб, который будет нанесен);

– в высказывании *За такие дела, прокурор, проломит тебе кто-нибудь голову! / За такія справы, пракурор, праломіць табе хто-небудзь галаву!* отсутствуют указания на субъект реализации содержания угрозы;

– речевой акт *Я тебя, прокурор, еще до суда придушит должен был! / Я цябе, пракурор, яшчэ да суда прыдушыць павінен быў!* не эксплицирует в будущем времени намерение совершить противоправное деяние;

– в предложении *Не зря, видно, прокурор, прибьют тебя скоро! / Нездарма, відаць, пракурор, прыб'юць цябе хутка!* отсутствует маркер, указывающий на субъект реализации угрозы.

Результаты практической части реализации эксперимента показали, что верный вариант ответа дали только 10 % опрошенных (8 человек в первой группе и 6 человек во второй). Наибольшее количество опрошенных указали, что угрозу содержат высказывания 1 и 3 (22,9 % отвечавших на вопросы, сформулированные на русском языке, и 21,4 % (15 человек), работавших с белорусскоязычной анкетой). Ни один из вариантов ответа не выбрали 5,7 % работавших с белорусскоязычной анкетой и 11,4 % опрошенных на русском языке, что, однако, не свидетельствует о наличии отличий, так как получив-

шиеся показатели соответствуют возможной погрешности. Сопоставительный анализ показывает, что практически все количественные результаты эксперимента в двух контрольных группах паритетны и находятся в границах допустимого статистического отклонения. Гендерной и возрастной зависимости в результатах эксперимента не выявлено.

Наличие серьезных расхождений обнаружено в варианте ответа 1,2: «русскоязычная группа» насчитывает только 5 выборов такой комбинации, а среди респондентов, которым была предложена анкета на белорусском языке, число выбравших обозначенные пункты равняется 15 человекам, или 21,4 %. Кроме того, общее количество проанкетированных, которые выбрали в той или иной комбинации ответов высказывание № 2 как содержащее лингвистические признаки юридически идентифицируемой угрозы, во второй («белорусскоязычной») группе значительно выше: 41 человек (в первой группе — 26).

Подробные данные о результатах экспериментальной работы представлены в таблице.

Результаты анкетирования / Table of survey results

Варианты выбранных ответов из анкеты / Options for selected answers from the questionnaire	Группа 1 (русскоязычная анкета) Количество ответов: муж./жен Group 1 (Russian-language questionnaire) Number of responses: male/female	Группа 2 (белорусскоязычная анкета) Количество ответов: муж./жен. / Group 2 (Belarusian-language questionnaire) Number of responses: male / female
1	4/4	4/2
1, 3	10/6	8/7
1, 2, 3, 4, 5, 6	8/6	7/4
1,2	3/2	7/8
1, 2, 3	1/2	3/2
1, 6	3/2	2/1
2, 3, 4	2/1	4/1
1, 2, 6	1/–	2/3
1, 4, 6	1/2	1/–
1, 3, 6	2/2	–/–
<i>Не выбрали ни одного / They didn't choose any</i>	5/3	1/3

Интерпретация полученных данных и выводы

Детальный анализ полученных в результате экспериментального анкетирования данных свидетельствует, что в целом сформулированная исследовательская гипотеза верна. Хотя наши предположения, касающиеся зависимости оценки восприятия проявлений угрозы от языкового кода ее вербализации, были связаны с вероятностью более серьезных отличий в данных, полученных в анкетах контрольных групп.

В ответах респондентов наблюдается расхождение в языковой экспликации угрозы в наивной и научной картине мира. Очевидно, что вне зависимости от используемого языкового кода белорусы не идентифицируют способ возможного нанесения вреда жизни и здоровью адресата как обязательный параметр: важен сам факт речевой интенции автора. Высокая доля опрошенных, выбравших все предложенные высказывания как содержащие угрозу (35,7 % от общего числа участвовавших в анкетировании), с нашей точки зрения, связана не только с самим фактом наличия в речевом акте в той или иной форме указаний на нанесение вреда объекту речевой агрессии, но и оценкой личности автора высказывания и ситуации коммуникативного воздействия. Полагаем, что часть респондентов, не выбравшая ни одного из предложенных вариантов (12 человек), также может обосновывать свое решение конкретной ситуацией общения, в частности наличием сильного эмоционального триггера или впадением в аффективное состояние.

Наличие серьезных расхождений в ответах двух контрольных групп обнаруживается в выборе работавших с белорусскоязычной анкетой в качестве высказывания, содержащего признаки угрозы, речевого акта *Я адсяджу і выканаю свой прысуд — расстрэл!* В целом указанный ответ в той или иной комбинации выбрали 58,6 % опрошенных на белорусском языке (41 человек) и только 26 респондентов из первой контрольной группы (31,7 %). К сожалению, в настоящее время мы не можем даже высказать предположения относительно возможных причин такого расхождения в ответах респондентов, выполнявших анкетное задание.

Установленный факт, что абсолютное число выбравших в качестве возможного варианта ответа обозначенное выше высказывание в двух группах составляет 67 человек (47,9 %), свидетельствует и об отсутствии обязательной необходимости наличия в конфликтогенном высказывании указаний на адресата потенциальной угрозы. Полагаем, что это связано с пониманием респондентов возможности установления данного параметра в контекстуальном окружении, то есть в процессе анализа конкретной ситуации речевого взаимодействия.

Список литературы

1. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М., 1993.
2. Александров А.С. Введение в судебную лингвистику. Н. Новгород, 2003.
3. Петербургский М. Языковые права национальных меньшинств в системе российского образования // Сравнительное конституционное обозрение. 2019. № 1 (128). С. 79–91.
4. Ваганова Е.В. Отражение особенностей языкового сознания в корпоративном тексте // Вест. Челябинского государственного университета. 2008. № 1. С. 11–14.
5. Кашкин В.Б. Сопоставительная лингвистика. Воронеж: ВГУ, 2007. 86 с.
6. Бахтиреева У.М. Творческая билингвальная личность (особенности русского текста автора тюркского происхождения): [монография]. 2-е изд., доп. Астана: Изд-во «ЦБО» и «МИ», 2009. 282 с.
7. Исаков В.Б. Лингвоюрисдика: законотворчество, толкование законов и юридических текстов (языковой аспект) // Юрислингвистика. 2000. № 1.
8. Heidegger M. Holzwege. Frankfurt a.M.: Klostermann, 1950. 380 p.
9. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Истоки, 2002. 192 с.
10. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 287 с.
11. Леонтьев А. Н. Психология образа // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1979. № 2. С. 3–13.
12. Кант И. Собрания: в 8 т. / под общ. ред. проф. А.В. Гулыги. Т. 4. М.: Чоро, 1994. 630 с.
13. Маслова В.А. Через синергетический союз лингвистики с другими науками — к новым проблемам и направлениям // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12, № 3. С. 823–847. <http://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-3-823-847>
14. Залевская А.А. Некоторые спорные вопросы теории двуязычия. Путь в язык: одноязычие и многоязычие: сб. статей / отв. ред. С.Н. Цейтлин, М.Б. Елисеева. М.: Языки славянских культур. 2011. С. 33–47.
15. Бахтиреева У.М. О транслингвизме и транскulturации через призму одной языковой биографии // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2016. № 2(50), С. 76–80.
16. Афанасьева Н.Д., Захарченко С.С., Могилёва И.Б. Формирование языковой картины мира у билингвов // Полилингвильность и транскulturальные практики. 2022. Т. 19. No 4. С. 587–595. <http://10.22363/2618-897X-2022-19-4-587-595>
17. Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева. М.: ИНФРА-М, 2007.
18. Ушаков Д. Большой толковый словарь русского языка. Современная редакция. М., 2014.

References

1. Sapir, E. 1993. Selected works on linguistics and cultural studies. Moscow: Progress Publishing Group. Print. (In Russ.).
2. Alexandrov, A.S. 2003. Introduction to Forensic Linguistics. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Law Academy Publ. Print. (In Russ.).
3. Petersburgsky, M. 2019. Language rights of national minorities in the Russian education system. Comparative constitutional review, no. 1, pp. 79–91. Print. (In Russ.).
4. Vaganova, E.V. 2008. Reflection of the peculiarities of linguistic consciousness in a corporate text. Bulletin of Chelyabinsk State University, no. 1, pp. 11–14. Print. (In Russ.).

5. Kashkin, V.B. 2007. Comparative linguistics. Voronezh: Voronezh State University Publ. Print. (In Russ.).
6. Bakhtikireeva, U.M. 2009. Creative bilingual personality (features of the Russian text by an author of Turkic origin). 2nd ed., add. Astana: Publishing house “TsBO” and “MI”. Print. (In Russ.).
7. Isakov, V.B. 2000. Linguistics: lawmaking, interpretation of laws and legal texts (linguistic aspect). *Jurislinguistics*, no. 1, pp. 19–27. Print. (In Russ.).
8. Heidegger, M. 1950. *Holzwege*. Frankfurt a.M.: Klostermann Print. (In Ger.).
9. Popova, Z.D., Sternin, I.A. 2002. *Essays on cognitive linguistics*. Voronezh: Publishing house “Istoki”. Print. (In Russ.).
10. Karaulov, Yu.N. 1987. *Russian language and linguistic personality*. Moscow: Nauka publ. Print. (In Russ.).
11. Leontiev, A.N. 1979. Psychology of image. *Bulletin of Moscow University. Psychology*, no. 2, pp. 3–13. Print. (In Russ.).
12. Kant, I. 1994. *Meetings*. In 8 vol. Vol. 4. Moscow: Choro Publishing House. Print. (In Russ.).
13. Maslova, V.A. 2021. Through the synergetic union of linguistics with other sciences — to new problems and directions. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 12, no. 3, pp. 823–847. Print. (In Russ.). <http://doi.org/10.22363/2313-2299-2021-12-3-823-847>
14. Zalevskaya, A.A. 2011. Some controversial issues in the theory of bilingualism. The path to language: monolingualism and multilingualism. Rep. ed. S.N. Tseytlin, M.B. Eliseeva. Moscow: Languages of Slavic Cultures publ., pp. 33–47. Print. (In Russ.).
15. Bakhtikireeva U.M. 2016. On translanguaging and transculturation through the prism of one linguistic biography. *Social and humanitarian sciences in the Far East*, no. 2, pp. 76–80.
16. Afanasyeva, N.D. Zakharchenko, S.S., and I.B., Mogileva. 2022. Formation of a linguistic picture of the world among bilinguals. *Polylinguality and transcultural practices*, vol. 19, no. 4, pp. 587–595. <http://doi.org/10.22363/2618-897X-2022-19-4-587-595>. Print. (In Russ.).
17. Sukhareva I. (Ed.) 2007. *Large legal dictionary*. Moscow: INFRA-M. Print. (In Russ.).
18. Ushakov, D. 2014. *Large explanatory dictionary of the Russian language*. Modern edition. Moscow: House of Slavic Books publ. Print. (In Russ.).

Сведения об авторе:

Лавицкий Антон Алексеевич — кандидат филологических наук, доцент, докторант Белорусского государственного педагогического университета имени М. Танка, заведующий кафедрой правоведения и социально-гуманитарных дисциплин Витебского филиала Международного университета «МИТСО». ORCID: 0000-0002-9192-4440

Bio note:

Anton A. Lavitski is a PhD in Philology, Associate Professor Postdoctoral student of Belarusian State Pedagogical M. Tank University, Head of the Department of Law and Social and Humanitarian Disciplines of Vitebsk Branch of the International University “MITSO”. ORCID: 0000-0002-9192-4440